

— Перекуси немного, через несколько часов мы сможем отступить. Спускаться натошак — сомнительное удовольствие.

Тот парень, чьё лицо мне раньше казалось неприятным, толкнул меня лодрем и протянул стопку ломтиков ветчины.

Можно будет уйти живыми!

Всего через несколько часов!

Какой бред!

Какая-то мысль, много дней дремавшая в глубине моего сознания, вдруг проснулась от этих слов. Я замер на месте, не двигаясь, в голове царил полнейший хаос.

— Ты чего?

Буи странно посмотрел на меня, ломтики ветчины всё ещё лежали на его грязной ладони.

— Ничего. Я не голоден.

В носу вдруг защипало, и я отвернулся вглубь туннеля.

— Всё будет хорошо, братишка.

Буи похлопал меня сзади по плечу, и мне показалось, что он улыбнулся, хотя я стоял к нему спиной.

Этот парень за моей спиной казался уже не таким уж противным. Во всяком случае, когда дело доходило до боя, он был настоящим бойцом.

В туннеле стояла тишина, все старались использовать время для отдыха.

Я оторвал кусок старой тряпки от своей одежды и принялся заново перевязывать кеды.

Из противоположного конца туннеля донеслись знакомые звуки музыки.

В темноте, при тусклом свете аварийной лампы, я увидел Су Циня. Он сидел на корточках в углу, прислонившись к стене, и играл на губной гармошке, а его ступни бесшумно и ритмично постукивали по земле.

Туннель постепенно затихал, проходившие мимо бойцы старались говорить как можно тише. Поблескивающая гармошка привлекла внимание всех солдат, и мерцающие взгляды следовали за её мелодичными, трепещущими нотами.

Подгоняемые ветром густые и мелкие капли дождя, словно полупрозрачный занавес, раскачивались у входа в туннель. Мягкая и печальная восточноевропейская мелодия плыла в тихом и далёком туннеле — на этом кладбище, похоронившем бесчисленных боевых товарищей.

Бледно-жёлтый свет аварийной лампы рассекали молчаливо идущие по мрачному темному туннелю бойцы, и их блеклые тени скользили по стенам. Проникая сквозь тремоло медных язычков, медленно скользящих между полутонами, я словно шёл по длинной улице поздней осени, усыпанной листьями стеркулии, где лунный свет пятнами падал на плечи сквозь просветы в густой листве.

До боли знакомый мотив, казалось, когда-то застрял в самых глуинах моей памяти.

Помучившись догадками какое-то время, я вспомнил. Это была финальная песня восточноевропейского сериала Люди из чёрного списка, снятого в восьмидесятих годах прошлого века.

Не ожидал, что Су Цинь до сих пор её помнит.

— Черт, как же здорово! Ишь как выводит, почему это я раньше такого не чувствовал?

— тихо вздохнул Буи. Хоть это и были грубые слова, сейчас они не резали мне слух.

— Старик Вэй, а ты кем раньше работал?

— Убирался в библиотеке.

— ответил я, прислонившись к ледяной стене.

— Твою мать, какая бестолковая жизнь! А после войны?

— прищурившись, продолжал допытываться Буи, правой рукой что-то выискивая в кармане одежды.

После войны? Да закончится ли она вообще?

Я горько усмехнулся, поглаживая своё исхудавшее и покрытое пылью лицо. Оно было сплошь в

копоти и оружейной смазке — я уже несколько дней не брился и не умывался, щеки заросли жесткой щетиной.

Буи нащупал в темноте и покачивал в руке сигарету.

Хорошая вещь!

— Эй! А ты у нас заначки прячешь!

Большой Ли обладал острым глазом и тут же громко закричал.

Воспользовавшись тем, что Буи на секунду растерялся, я выхватил у него сигарету.

Налетевший со всех сторон большой Ли и другие бойцы тут же повалили Буи на землю, отбирая сигарету.

Глубоко затянувшись и выдохнув колечко дыма, я зашелся в кашле, в голове слегка закружилось.

Я очень давно не курил и теперь никак не мог привыкнуть.

Молча куря, я подошел к входу в туннель и уставился на далёкую крошечную темноту ночи.

Мелкие капли дождя осторожно барабанили по лежащему у входа в туннель металлическому обломку артиллерийского лафета, издавая непрерывный тихий треск. Металл на лафете после обжига термобарическим боеприпасом стал гладким и блестящим, а на округлой поверхности стального листа прозрачно осели капли воды. Туманные струйки дождя, подгоняемые ветром, залетали внутрь через двутавровую балку над входом, и время от времени вспышки на далёком небе преломлялись в дождевых каплях, порождая мрачные цветные волны.

Резкий звук выстрела вдалеке у позиций вызвал всеобщее волнение, большой Ли быстро поднялся и направился к выходу из туннеля. Навстречу им, согнувшись, быстрыми шагами вошли майор и Цзян Лэй.

— К бою!

— крикнул майор всем присутствующим.

В этот момент вражеская рация на шее у Цзян Лэя снова издала треск вражеской речи.

Послушав с минуту, Цзян Лэй тихо сказал майору, который пристально смотрел на него:

— Враги подняли суматоху и собираются одним махом взять наше высотное укрепление.

— Твою мать! Им что, места для смерти больше не найти?!

— Буи встал, зажав в зубах окурок, и презрительно громко произнес, затягивая ремень.

Все дружно засмеялись.

— Ах ты, парень, крышу от адреналина сносит!

— с улыбкой выругался майор.

— Разделимся на три группы. Вы пятеро со мной закрепитесь на правой позиции, будем отвлекать врага, прихватите автоматический гранатомет. Старик Сун, ты с остальными после окончания артобстрела противника выдвинешься в засаду на левую позицию, возьмите противотанковые ракеты. Большой Ли, ты с двумя снайперами оставайся на центральной позиции для маневра, старайся из снайперских винтовок отстреливать вражеских гранатометчиков и огнеметчиков, соблюдай маскировку. Цзян Лэй, за мной. Всё, за дело!

Отдав приказания, Ли Вэй с несколькими бойцами скрылся в темноте туннеля.

— Братья, приготовьтесь, зададим этим ублюдкам жару! Смотрите не промахнитесь, когда будете выбирать себе загробных компаньонов, — крикнул Сун Буи.

Бойцы дружно отозвались и принялись проверять оружие.

И точно, не прошло и двух минут, как снаряды врага начали падать на землю.

Крепкий Сун Буи взвалил на плечо пусковую установку.

Су Цинь закинул на спину ракету, а Цзян Е отыскал легкий пулемет.

Цзян Лэй неизвестно где обнаружил среди земляных насыпей туннеля противотанковую датчиковую мину и завопил во весь голос:

— Кто возьмет эту штуку? Мы сможем подкинуть им сюрприз прямо на дороге, когда попрут враги!

Глаза Су Циня загорелись. Он отдал ракету стоявшему рядом бойцу, протиснулся сквозь толпу, крепко прижал мину к груди и забормотал про себя, на ходу приводя её в порядок:

— Это же ценнее золота, пожалуй, надежнее будет, если я сам её попридержу.

Рассредоточившись и присев у выхода из туннеля, мы стали ждать окончания артиллерийской подготовки противника.

Вскоре обстрел из 155-миллиметровых гаубиц прекратился.

В отблесках взрывов я видел, как поднятая ими земля разлетается во все стороны, сплошь засыпая стены.

Дождь лил всюду, монотонно и уныло, вся позиция утопала в туманном ливне. Это был ночной дождь раннего лета в к югу от Янцзы.

Вдалеке то и дело небо прорезали молнии. Пейзаж неплох, но любоваться им было некогда — вражеская пехота уже подбиралась ближе.

Бронетехника прикрывавшего тыл врага начала слепой обстрел.

— Пошли!

— крикнул Сун Буи и первым бросился под дождь.

Кеды шлепали по липкой красной глине, издавая чавкающие звуки.

Я шёл следом за отрядом по траншее, то и дело проваливаясь и спотыкаясь. Дождь барабанил по прибору ночного видения, и вокруг мало что было видно.

У одного из поворотов я по неосторожности рухнул на землю, перепачкавшись грязью.

От мощных разрушений недавнего термобарического удара позиция стала совершенно неузнаваемой: на многих участках траншеи были сравнены с землей, а там, где произошло обрушение, торчали обрывки искореженной арматуры.

Вдалеке медленно приближались механизированные части противника, и по вспышкам их огня можно было примерно определить расстояние и направление. Снаряды вражеских танков то и дело падали на позицию, глухо взрываясь в грязи, а взметнувшаяся жижа казалась грязевым ливнем, застилавшим небо.

Мы то и дело перебегали на левой позиции, меняя дислокацию и уворачиваясь от вражеского огня, и одновременно выискивали подходящие места для засады, ожидая момента, чтобы нанести врагу смертельный удар.

Передовые отряды врага наконец приблизились к позициям. Первыми шли пехота и танки, а боевые машины пехоты на этот раз держались позади — судя по всему, противник был напуган нашими танками.

Вражеских вертолетов на этот раз вылетело всего два, и они держались на изрядном расстоянии. В густом дожде я не мог разглядеть их силуэты, ориентируясь лишь по звуку.

Впереди смутно показались вражеские пехотинцы: человек двадцать-тридцать, рассредоточившись, подбирались к левой позиции.

Звуки близких, один за другим рвущихся снарядов становились всё громче. Враг продвигался вперед крайне осторожно, то и дело зачищая местность, смертельно боясь того, что наши стрелки внезапно появятся перед ними.

Наши оборонительные силы сейчас были до смешного слабы! На всю позицию оставалось чуть больше двадцати человек, а оборонять приходилось почти километровую полосу. У танков не было снарядов, из противотанкового вооружения оставалось всего три ракеты и несколько мин, а из оружия навесного подавления — лишь один автоматический гранатомет.

Приглушенные звуки выстрелов товарищей где-то вдали немного успокоили меня.

На правой и центральной позициях наши бойцы сошлись с врагом в рукопашной, то тут, то там падали люди под крики агонии.

Пехота противника, уверенная, что китайцев на позициях больше не осталось, была прижата внезапным огнем и кинулась искать укрытия. Вражеские танки, бронемашины и вертолеты также открыли беглый огонь по участку правой позиции, откуда мы недавно вели стрельбу из гранатомета.

Сун Буи лежал в отрезке траншеи недалеко от меня, аккуратно прикрывая рукой прицел гранатомета от брызг грязи, летевших от вражеских разрывов, а сам крутил головой в поисках подходящего момента для удара.

Грязь от внезапно разорвавшегося поблизости снаряда разлетелась во все стороны, и вскоре бойцы, лежавшие в грязной жиже траншеи, были с ног до головы покрыты ею — невозможно было разобрать, где кто находится.

Когда второй танк слева медленно выехал на пологий склон и развернул башню в сторону нашей правой позиции, Сун Буи резким движением вскочил на ноги и прицелился в кормовую часть вражеской башни.

Стоило Сун Буи подняться, как бойцы вокруг него тоже высунулись из укрытий и открыли ураганный огонь по противнику, подавляя его пехоту.

Автоматы типа 95 пехотинцев застрочили с новой силой, и в ответ на нас обрушился шквал вражеских пуль.

Кто-то из японцев заметил Сун Буи.

Выпущенная Буи ракета с длинным шлейфом дыма мгновенно осветила всё вокруг.

В мутном изображении прибора ночного видения я с трудом различил мечущиеся силуэты японских солдат вокруг ярко-зеленого хвоста ракеты. Прижавшись верхней частью туловища к влажной земле траншеи, я отчаянно закричал и открыл шквальный огонь по нескольким осмелившимся высунуться вражеским пехотинцам, из ствола моего автомата тип 56 вырывались снопы пламени.

Краем глаза я заметил, как ракета с бешено вибрирующим дымовым шлейфом стремительно несется к тому вражескому танку, что продолжал обстреливать правую позицию. Опершись ногой о край траншеи, Буи стоял во весь рост под дождем, словно непоколебимое божество, и обеими руками крепко удерживал прицел.

Дистанция была чуть больше четырех сотен метров, и летевшая ракета в мгновение ока точно вонзилась в кормовой отсек танка.

Яркая вспышка озарила башенный отсек, после чего вражеский танк под грохот взрыва развалился на части: взрывная волна сорвала башню, и та, перевернувшись, грохнулась на землю.

Противотанковый расчет снова уничтожил вражеский танк.

Испуганные вражеские танки и бронемашины с криками развернули башенные орудия и открыли бешеный огонь по тому месту, откуда Буи только что выпустил ракету, а в небе вертолеты противника непрерывно поливали всё вокруг свинцовым дождем. Возле точки, где секунду назад находился Буи, взметнулись столбы пламени.

Танки противника на правом фланге также открыли прицельный огонь по нашей стороне.

Прижатый яростным вражеским огнем, я даже не мог поднять головы. Теперь противник больше не обращал внимания на правую позицию Ли Вэя, сосредоточившись на уничтожении нашей огневой точки.

Волоча автомат, я полз по траншее, и тяжелые комья грязи то и дело с глухим стуком падали мне на спину, а тело и лицо были сплошь покрыты жижей.

Воздух на дне траншеи был насыщен удушливыми ядовитыми газами и пороховым дымом, а всего в нескольких десятках сантиметров над головой с диким свистом носились мириады

мелких и острых осколков снарядов.

Не знаю, сколько я так полз, пока наконец без сил не привалился к стенке траншеи, тяжело задыхаясь, а в груди хрипело.

В траншея неподалеку от меня, прямо у внутренней стены, двигался какой-то тощий и высокий силуэт.

Похоже на Су Циня.

Этот человек, не оборачиваясь и согнувшись в три погибели, полз в сторону участка траншеи на внешнем рубеже, прижимая к груди что-то тяжелое.

Точно, Су Цинь!

— Опасно! Вернись!

Звуки взрывов были слишком громкими, я вскинул голову и прокричал несколько раз, но он меня не услышал.

Неужели собрался подорвать танк?

Этот парень сошел с ума!

Как можно подобраться так близко на таком расстоянии?

Метрах в тридцати позади Су Циня я пополз вслед за ним к позициям врага по другому уцелевшему участку бетонной траншеи. Грязь снова залепила стекла прицела, но протереть их было невозможно — руки были измазаны глиной.

Су Цинь двигался с невероятной скоростью, и в темноте я потерял его из виду.

Наконец наощупь я дополз до конца этой траншеи. Путь преграждала гигантская воронка.

А где же Су Цинь?

Погиб?

Да нет же, куда делось тело?

Шквал пуль заставил меня снова вжаться в траншею. Дождь смывал грязь с лица и с объектива ночного видения, и я снова начал различать то, что происходило вокруг.

Обойдя воронку, я воспользовался паузой между вражескими обстрелами и осторожно приподнялся, чтобы посмотреть вперед.

Это был Су Цинь: он лежал в неглубокой воронке неподалеку. Его смутный силуэт находился уже совсем близко от вражеского танка, он прижался к стенке окопа, выжидая момент для атаки.

Что за придурок, это же верная смерть! Вокруг танка отиралось еще несколько японских солдат, и даже если его не заметили танкисты и пехота сзади, его в два счета изрежет охраняющая подходы вражеская пехота!

Когда я увидел, как Су Цинь единым рывком бросился на вражеский танк, я, забыв обо всем, отбросил прибор ночного видения, вскочил на ноги и открыл беглый огонь по пехоте вокруг вражеской машины.

Руки были сплошь в грязи, удержать автомат за ложе не получалось.

Линия прицела поплыла.

Черт! Магазин пуст. Я судорожно зашарил рукой по поясу в поисках нового.

Грохнуло!

Неподалеку разорвался вражеский малокалиберный снаряд, и мою левую стопу словно обожгло острой болью.

Пронзительная боль заставила меня без сил рухнуть в грязь.

Нашел!

Дрожащими руками я пристегнул магазин, и автомат в моих руках снова заплевался пулями в ту сторону, где примерно находились японские пехотинцы.

Су Циня, кажется, подбили!

Когда его фигура мелькнула на краю пологого склона, он вдруг покатился вниз каким-то неестественным образом.

В груди образовалась ледяная пустота, когда я увидел, как силуэт Су Циня исчезает за перегибом склона.

А-а-а!

Я взревел во весь голос и в один присест выпустил оставшиеся патроны. Я понимал, что момент для подавления упущен, но, быть может, он всё ещё жив.

Когда я приготовился во второй раз сменить магазин, то с удивлением обнаружил, что моя левая рука неестественно повисла, а автомат теперь болтался на ремне перед грудью.

Я ранен.

Я наконец-то ранен?

Оперевшись правой рукой о землю, я кое-как на коленях прополз вперед несколько шагов и вскинул голову, с отчаянием глядя в сторону вражеского огня.

Над головой непрерывно проносились трассирующие пули, а вспышки разрывов то тут, то там выхватывали из темноты очертания позиций.

Темнота, вокруг сплошная бесконечная темнота.

Ледяная вода яростно хлестала по лицу, смывая кровь и пот с щек.

Я устал!

Скорей бы уже кончились эти мучения.

Ха-ха-ха!

Собрав последние силы, я постарался выпрямиться и громко расхохотался — мне не хотелось падать вот так, как трус.

Яркая вспышка молнии безумно изогнулась в ночном небе над передовой, прорезав пороховой дым. Следом над левым вражеским танком распустился сноп металлических искр.

Жуткий, яркий и полный гнева меч! Он опустился сверху конусообразным веером.

Это Су Цинь!

Он еще жив!

Он сжигал остатки своей жизни собственным способом!

— Су Цинь! Я вижу тебя!

— вовсю глотку прокричал я, чувствуя, как глаза застилают слезы.

Эта струя расплавленного металла, полная предсмертного гнева Су Циня, подобно стальному клину, на бешеной скорости вонзилась в верхнюю броню танка, и пораженная в самое уязвимое место вражеская машина с предсмертным стоном взорвалась.

Я вновь стал свидетелем того, как вражеский танк эффектно разваливается на части от удара противотанковой мины, бьющей сверху.

Взрывная волна боекомплекта сорвала башню танка, и в ослепительной вспышке пламени вместе с клубами дыма её отбросило в сторону под углом; дуло орудия под воздействием инерции взрыва сорвало с места, а дополнительное оборудование с башни с ожесточением разлетелось во все стороны. Детонация боекомплекта зацепила и японскую пехоту. Нечеловеческие крики боли были таковы, что неподготовленного человека могло хватить кондратий.

Сквозь обогренную огнем дождевую пелену мне чудилась похоронная процессия, которую Су Цинь устроил сам себе, выбрав в качестве жертвенного дара вражеские танки.

Горло перехватило спазмом.

Еще один храбрый боец ушел. В эту дождливую и ветреную ночь неизвестно, сколько еще товарищей навеки останутся спать на этой земле.

Мне показалось, что я вижу, как враг в спешке отступает под вспышки далеких орудийных стволов, после чего голова моя отяжелела, и я рухнул лицом в грязь.

Не знаю, сколько прошло времени, но постепенно я пришел в себя.

Казалось, кто-то нес меня на спине.

Это был наш боец, он тяжело шагал, покачиваясь, а кеды в грязи издавали глухое чавканье. Мой автомат висел у него через плечо, и при каждом движении его прикладом стучало мне по голове.

Я жив!

Я ощутил боль в левой руке — предплечье, судя по всему, было сломано. Левая нога чувствовала себя лучше, видимо, осколок вражеского снаряда лишь распорол мышцы, не задев кости, и она просто онемела и распухла.

Боец внес меня в туннель, и пройдя немного в темноте, я наконец услышал голоса своих. Свет постепенно стал ярче — это горела аварийная лампа.

По телу разлилось слабое тепло.

К нам подбежали бойцы и уложили меня в углу у стены. Я попытался открыть глаза и разглядеть спасителя: им оказался большой Ли, сам с ног до головы перепачканный грязью.

Цзян Е поднял меня и принялся перевязывать рану, его глаза были красными — он, должно быть, уже знал о гибели Су Циня.

Рядом со мной лежали еще два раненых. Сун Буи тоже пострадал: его правая нога представляла собой сплошное кровавое месиво, от нее осталась лишь малая часть! Голова и тело были замотаны бинтами, глаза закрыты. Буи ранило ракетой, выпущенной вражеским вертолетом, — снаряд угодил прямо в траншею, но Буи чудом остался жив.

При тусклом свете лишь несколько человек продолжали двигаться: Ли Вэй с перевязанной головой отдавал приказы бойцам приводить в порядок оружие.

Осталось всего шестеро!

— Ну как, держишься? — подойдя, спросил майор.

Цзян Лэй тоже приблизился.

— Слава богу, ты жив. Когда мы только пересчитали людей и не нашли тебя, мы уже подумали худшее, — робко проговорил Цзян Лэй.

Враг теперь привык наступать под покровом ночи, всю используя превосходство своего вооружения. Я поднял руку, чтобы взглянуть на водонепроницаемые часы, покрытые грязью: было полтора часа ночи.

<http://bllate.org/book/21115/2142669>